

Дискуссии и обсуждения

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ М.К. ПЕТРОВА

**Стенограмма обсуждения книги В.П. Макаренко
«Практикующие гегельянцы и социальная инерция:
фрагменты политической философии М.К. Петрова»
29 марта 2014 г., Ростов-на-Дону
Донская государственная публичная библиотека**

Участники:

Берлявский Л.Г., доктор исторических наук, профессор (Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)).

Кислицин С.А., доктор исторических наук, профессор (Южно-Российский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ).

Константинов М.С., кандидат политических наук, доцент (Южный федеральный университет).

Лубский А.В., доктор философских наук, профессор (Южный федеральный университет).

Макаренко В.П., доктор философских и политических наук, профессор (Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем ЮФУ)

Окусов А.П., доктор философских наук, профессор (Ростовский юридический институт МВД РФ)

Попов В.Ю., младший научный сотрудник (Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем ЮФУ).

Попелуев С.П., доктор политических наук, доцент (Южный федеральный университет).

Тищенко Ю.Р., кандидат философских наук, доцент (Южный федеральный университет).

Шкуратов В.А., доктор философских наук, профессор (Южный федеральный университет).

В.П. Макаренко: Уважаемые коллеги, сегодняшняя наша встреча посвящена обсуждению моей книги «Практикующие гегельянцы и социальная инерция: фрагменты политической философии М.К.Петрова», а также статьи «Решенные вопросы»: повесть М.К. Петрова «Экзамен не состоялся». Она опубликована в журнале «Вопросы философии» (2014, № 1) и выполнена по гранту Южного федерального университета. Седьмого и четырнадцатого марта 2014 г. по каналу «Россия-24.Дон» состоялась телепередача. Мы сейчас её посмотрим, потом я кое-что добавлю и приступим к обсуждению.

ВЕСТИ-ИНТЕРВЬЮ

Иван Афонин (ведущий): Мы продолжаем традиционные встречи с директором Центра политической концептологии Южного федерального университета, экспертом Российской ассоциации политических наук профессором Макаренко Виктором Павловичем. Виктор Павлович, добрый вечер!

В.П. Макаренко: Добрый вечер!

И. Афонин: Виктор Павлович, сегодня мы затронем тему философии. Поговорим о значимой фигуре Михаила Константиновича Петрова.

В.П. Макаренко: Да, это выдающийся современный философ, наш земляк. Скажу об информационном поводе, в связи с чем состоялась наша сегодняшняя передача. На протяжении нескольких лет в России издавалась серия книг «Философия России второй половины XX-го века». В этой серии вышла книга о единственном ростовчанине — философе Михаиле Константиновиче Петрове. Книга издана в 2010 году в Москве, под редакцией Светланы Сергеевны Неретиной. Это сборник статей, в котором семь статей о Петрове написано москвичами, пять — ростовчанами.

В 2011 году я выпустил книгу под названием «Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К. Петрова как источник мысли». В ней реконструирован концепт научно-технической контрреволюции, который описан Петровым почти пятьдесят лет назад и существует в России в настоящее время. Это моя первая книга о Петрове. До нее я делал доклады на ежегодных чтениях его памяти. Потом доклады приобретали форму статей, затем я издал их в виде книги. В феврале 2012 г. состоялось обсуждение книги. На основе этого обсуждения я расширил первую книгу, дописал в нее шесть новых глав. В прошлом (2013) году мы отмечали 90-летие со дня рождения Михаила Константиновича Петрова. Была всероссийская конференция. На этой конференции я курировал секцию под названием «Политическая философия М.К. Петрова». Эта моя книга называется «Практикующие гегельянцы и социальная инерция: фрагменты политической философии М.К. Петрова». Речь идет о научном направлении, которым я занимаюсь давно.

Я не буду сейчас длинно говорить, что такое политическая философия. Скажу кратко: это размышление и обсуждение следующих основных тем: что такое власть, политика, государство, война, революция. Эти темы являются ключевыми для политической философии. А чем отличался Михаил Константинович Петров от «своры» советских философов, если использовать его же терминологию? Как известно, в советское время философия была канонизирована, являлась частью государственной идеологии. Она обязывала всех ходить по протоптаным стежкам-дорожкам. Михаил Константинович всегда торил свою дорогу в философии. Имел мужество показывать, в чем ошибались классики марксизма. Более 50 лет назад он писал, что марксизм как источник мысли иссяк.

Вот в этой книге я сделал микрооткрытие. До сих пор о Михаиле Константиновиче писали как о выдающемся философе, историке и социологе науки, культурологе. А о Петрове как о политическом философе ещё не писали. Я попытался проанализировать его повесть «Экзамен не состоялся», которую он написал в 1959 году и послал в Центральный Комитет Коммунистической Партии Советского Союза. Он поверил, что тогдашние руководители партии и государства действительно заинтересованы в осуществлении реальной десталинизации всей сферы общественного бытия и общественного сознания, включая философию, — от всего того наследия, которое сложилось в период Сталина. Повесть вернули по месту его работы (он тогда работал в Ейском высшем военном авиационном училище летчиков), за написание повести его исключили из партии, а Ростовский Обком КПСС проштемпелевал это решение. До решения повесть отдали на рассмотрение сотрудникам Ростовского госуниверситета, которые среди прочего обвинили его в троцкизме.

Петров был выдающимся человеком, владел несколькими живыми и мертвыми языками. Он был восстановлен на работе, преподавал английский язык в университете. Один из

первых в Советском Союзе начал заниматься науковедением, историей и теорией науки. Он перевел на русский язык книгу «Наука о науке». Она вышла в издательстве «Прогресс» в 1966 году. Авторами книги были специалисты мирового ранга — науковеды, историки и социологи науки, культурологи, на уровне Нобелевских лауреатов. С перевода и публикации этой книги началось советско-российское науковедение. В 1967 году Петров защитил кандидатскую диссертацию «Философские проблемы науки о науке». Он был мужественным человеком в том смысле, что всегда шел против течения. Именно поэтому я пишу о том, что духовно-нравственное его влияние на последующие поколения ученых пока ещё не стало предметом разбора. Я закладываю только первый кирпич в здание, которое еще предстоит строить. После его смерти осталось около 500 печатных листов неопубликованных рукописей. Пишущий человек знает, что такое 500 печатных листов. Один печатный лист — это 40 тыс. знаков, примерно 23,5 машинописных страниц. Умножьте и представьте себе, что это такое.

И. Афонин: Объемы потрясают...

В.П. Макаренко: Да, к настоящему времени уже опубликовано около 10 томов. Проводятся регулярно посвященные ему конференции. Я в этой книжке впервые проанализировал его повесть «Экзамен не состоялся», о которой еще никто не писал. Мое микрооткрытие состоит в том, что в повести я обнаружил первую формулировку тех идей, которые Петров развивал в истории науки, культурологии, науковедении, социальной философии. Эти идеи как бы скрыты в этой повести. Можно спорить относительно того, был ли он марксистом. Но бесспорно то, что он был творческим человеком. Он говорил: «Если мы не будем развивать социальную теорию и социальную философию, то общество, которое было создано в 1917 году, погибнет». Он предсказал это почти за 40 лет до факта гибели СССР.

Сегодня всем известно, что власть пытается регулировать развитие науки в стране вообще и Российской академии наук, в частности. В своих работах Петров ввел понятие «научно-технической контрреволюции». Речь идет о том, что если наука вступает в слишком близкий контакт с государством, оно рано или поздно задушит науку в объятиях. То, что происходит в России в последние 20 лет — это и есть объятия государственного удава и, возможно, последние судороги российской науки.

И. Афонин: Значит, основные мысли Михаила Константиновича до сих пор остаются актуальны. Даже для общества, в котором мы сейчас живем.

В.П. Макаренко: Абсолютно верно! В журнале «Вопросы философии» (2014, № 1) опубликована моя статья о М.К. Петрове на материале главы из книги «Практикующие гегельянцы и социальная инерция». Вот то, что я сделал в связи с наследством Михаила Константиновича. Готов ответить на другие вопросы.

И. Афонин: Любые вопросы будут касаться творческого пути огромной фигуры мировой философии Михаила Константиновича Петрова. Что из его наследства применимо к ситуации в современной России и политической концептологии, в которой Вы — главный эксперт?

В.П. Макаренко: В сентябре 2007 года мы провели первую всероссийскую конференцию в Ростове-на-Дону «Идеи М.К. Петрова и политическая концептология». Создали центр, журнал, исследовательский комитет Российской ассоциации политических наук. В этих исследовательских и организационных структурах мы регулярно обсуждаем проблемы развития наследства Михаила Константиновича. Главное здесь — его нравственно-политическое влияние. Он был отважным человеком, имел смелость и мужество в самых, казалось бы, неподходящих обстоятельствах реализовывать нехитрую идею: если философия и социальная наука зависят от денежного мешка, власти и идеологии, — то она находится в состоянии холода. Это кажется грубо, зато честно. И. Сельвинский однажды заметил:

Правдивость гениальности сродни,

А прямота пророчеству подобна.

Эту же идею можно переформулировать: какие условия надо создать, чтобы социальная, философская, экономическая, юридическая и вообще всякая мысль развивались независимо от внешних воздействий? Речь идет не только о власти и политике. Платон считал «неисцелимые обыкновения» (т. е. комплекс накопленных привычек поведения) губительными для всей системы философии и социальных наук. Это остается актуальным до настоящего времени. Потому что любители услужить денежному мешку и власть предержащим еще не перевелись. Это обычно делается за счет истины и откровенного разговора. Существует такое не писаное правило до сих пор.

И. Афонин: Вы сказали, что кладете первые кирпичи в огромное здание, которое следует возводить. Что будет следующим кирпичом?

В.П. Макаренко: Об это надо спросить у других специалистов. Прежде всего у Светланы Сергеевны Неретиной (я её особо хочу поблагодарить) — она создала традицию изучения творчества Петрова. Я хочу поблагодарить также Александра Павловича Огурцова. Они в крутую минуту имели мужество поддерживать М.К. Петрова. Этих людей я знаю по 30–40 лет, в известном смысле они тоже являются нравственными эталонами. Есть еще ряд неизученных сфер наследства Петрова: проблемы социальной философии, слабо изучены его идеи о религии как элементе культуры, идеи сравнительного анализа палубной культуры Средиземноморья и русской культуры. В 2002 году в Ростове-на-Дону, проходил Всероссийский философский конгресс. Я там делал доклад о Михаиле Константиновиче и показал, что его наследство можно развивать в десяти разных направлениях. Я пока успел сделать немножко. Всякий крупный мыслитель является многовекторным. Его наследство можно развивать в самых различных направлениях. В том числе использовать его идеи для анализа современной российской реальности.

И. Афонин: Виктор Павлович, благодарю Вас за нашу сегодняшнюю беседу.

* * *

В.П. Макаренко: Передаю слово Анатолию Владимировичу Лубскому.

А.В. Лубский: Коллеги, Виктор Павлович сказал, что он уже двадцать лет работает над проблемой изучения творчества Петрова. И двадцать лет продолжается борьба, за то, кто лучше понимает творчество Петрова. К сожалению, я не вижу здесь основных оппонентов Виктора Павловича — А.Н. Ерыгина и Г.В. Драча. Видимо, они испугались, не выдержали конкуренции. Это, конечно, шутка, но действительно, творчество Петрова настолько открыто, что позволяет высказывать различные суждения. Как вы знаете, в нас еще сидит тот самый принцип, который осуждал Петров: есть мое мнение и есть мнение неправильное. Сегодня для обсуждения предложены свежая книга и статья Виктора Павловича. Часть книги мы уже обсуждали в феврале 2012 г. Поэтому мы должны показать, что нового внес Виктор Павлович по сравнению с предыдущей книгой. А также особо обсудить статью В.П. Макаренко — квинт-эссенцию новой книги. В связи с этим я думаю, что мы вначале предоставим слово Виктору Павловичу для небольшого вступления.

В.П. Макаренко: Я дал предельно общий очерк политической философии М.К. Петрова. В книге 12 глав, и в каждую из них можно углубиться. Сейчас отмечу два пункта, о которых не говорил в интервью.

Михаил Константинович был профессиональным разведчиком. В своей книге я пишу, что он сформулировал интересный концепт коммуниста-философа-разведчика. Одна из его идей состоит в соединении разведывательной и исследовательской деятельности. На мой взгляд, очень интересное направление анализа. Приведу пример из моей личной жизни.

У меня была достойная теща, к сожалению, уже покойная. Вначале нашего знакомства она смотрела на меня недоверчиво, ей трудно было понять, чем я занимаюсь. Но она обладала житейской мудростью, которая есть у многих, независимо от образования. И вот, она смотрела на мой образ жизни, что я читаю, чем занимаюсь, о чем думаю, говорю, читала мои кни-

ги и т. д. Наша исследовательская деятельность вписана в быт, книги, библиотеки, мысли, идеи, домашние беседы и публичные доклады, лекции, комментарии, споры и пр. И вдруг теща неожиданно сказала: «Виктор Павлович, а Вы ведь разведчик». То есть, она увидела в быту исследователя, в научном поиске нечто, связанное с разведывательной деятельностью. Теща моя прошла войну, знала о разведке не понаслышке.

Однако Петров не имел в виду разведывательную деятельность как вынюхивание разных секретов, как шпионаж, сексотство, соглядатайство и доносительство разного типа. В своей повести он пишет, как в пивных обсуждают тему отмены шпииков после смерти Сталина. К топтунам он относился презрительно. Под разведывательной деятельностью, соединенной с философией, он имел в виду надежное, основанное на науке, прогнозирование общественного развития. То, что потом воплотилось во множестве методов, включая экспертный метод, метод сценариев, методы мозговой атаки и т. д. Он ни в коем случае не имел в виду ту разведывательную деятельность, которая ведется реальными людьми на потребу реальных государств, корпораций или частных людей. Вот это чрезвычайно важный пункт и продуктивная идея, которую я хотел бы отметить.

Этот пункт наследства Петрова можно связать с конкретными исследованиями шпионской деятельности Советского государства. Карл Шлэгель написал капитальную книжку «Берлин. Восточный вокзал», в которой проанализирована разведывательная деятельность Коминтерна в 1920–30-е годы. К. Шлэгель показал, что в истории СССР можно вычленить два типа и поколения разведчиков. Мне кажется, что Петров принадлежал к первому типу. Это те люди, которые считали, что поскольку законы истории известны, то выступающие от имени этих законов люди обладают абсолютной исторической и политической правотой, независимо от обстоятельств. Можно указать целую библиотеку, в которой описана деятельность таких людей. В этом смысле они были негибачемы. Второй тип и поколение уже прошло через школы КГБ и им подобные учебные учреждения. Этот тип ничем не отличается от выпускников высших партийных школ. Они работают за деньги, а не за идею.

Короче говоря, у Михаила Константиновича есть свой подход к тому, что называется «социология спецслужб». Думаю, этот подход чрезвычайно важен. Его духовное содержание рано или поздно проявится. Нам нужно уже сегодня думать о том, как увековечить его память. Его концепция может быть поставлена в конфронтацию с тем, что делал А.И. Солженицын — тоже один из наших земляков. Под конфронтацией я имею в виду совершенно разные интеллектуальные традиции М.К. Петрова и А.И. Солженицына.

Я бы хотел также обратить внимание еще на один факт, о котором не писал в этой книжке. У Петрова есть концепт «человек-государство». Недавно я перечитывал и штудировал заново многотомник Александра Александровича Зиновьева. И обнаружил совпадение: Зиновьев тоже неоднократно называл себя «Я сам себе государство». И обосновывал, казалось бы, в совершенно неподходящих обстоятельствах, идею радикального разрыва индивида с тотальным обществом и государством. Есть определенные параллели между концептом «человек-государство» М.К. Петрова и концептом «Я сам себе государство» А.А. Зиновьева. Мне это направление исследований тоже кажется интересным.

В своих лекциях Михаил Константинович не раз использовал образ айсберга. Он говорил: исследование должно быть как айсберг, то есть «над водой блестит одна седьмая, а глыбун уходит в глубину», как писал Илья Сельвинский. Вот эти шесть седьмых нам надо изучать. Там могут обнаружиться чрезвычайно интересные вещи.

Они могут объединить интеллектуальное сообщество Юга России. Быть эталоном или указующим перстом, как нам работать в разных направлениях. Наследство Михаила Константиновича — это шахта, в которой есть главный ствол и множество штореков. Нам нужно научиться в нее опускаться, чтобы поднимать на гора новые тонны горючего материала.

А.В. Лубский: Коллеги, есть ли у вас вопросы для прояснения к Виктору Павловичу?

В.А. Шкуратов: Вопрос про айсберг. Это напомнило Хемингуэя, его идею о том, что рассказ — это айсберг, вершина которого возвышается над водой, а всё остальное под водой. Это вообще его стилистика.

В.П. Макаренко: Володя, извини, я тебя прерву. Я многократно уже хотел тебе высказать комплимент, да все забывал. Теперь выскажу публично. Ты однажды назвал Петрова «потаенным мыслителем». Поэтому я частично обязан тебе в стремлении раскопать творчество Петрова. За это тебе спасибо. Действительно, Петров — мыслитель потаенный. Кто написал «Потаенный Радищев»?

В.А. Шкуратов: Не знаю...

Из зала: Плимак...

В.П. Макаренко: Нет, не Плимак, а Георгий Шторм. На эту тему в «Новом мире» была серия публикаций в 1960-е годы.

В.А. Шкуратов: Петров каким-то образом имел в виду Хемингуэя? Его стилистика как-то оказала на него влияние?

В.П. Макаренко: Не могу сказать. Если чисто внешне подходить, то можно только сравнивать художественный стиль Хемингуэя и стиль повести Петрова. Это вещи разные. А если иметь в виду стиль философского письма, то у Петрова длинные предложения, на полстраницы, особенно в последние годы жизни. С точки зрения политического мировоззрения Хемингуэй примыкал к левой интеллигенции Запада...

В.А. Шкуратов: Он был индивидуалист, к сожалению, пил...

В.П. Макаренко: Михаил Константинович тоже выпивал, но это к делу не относится. Надо смотреть специально, я только зацепил тему интеллигенции. Сложно судить об этом, на бегу не ответишь. Ясно лишь то, что Петров описывал сходство между русской и европейской критикой действительности на основе реликта антично-христианского мировоззрения. К такому реликту относится убеждение: объем знания возрастает пропорционально месту во властно-когнитивной иерархии. Это убеждение выражено в русской поговорке «Начальство лучше знает»...

Из зала: «Начальству виднее...»

В.П. Макаренко: Да. А различие между Россией и Европой проводил такое: в Европе объектом критики является наука, поскольку она способствует овеществлению, омертвлению, машинизации, мясорубке талантов. А русская критика направлена против фигуры властвующего идиота, активного деятеля социального строительства. Поэтому русская критика продуктивнее. Здесь он ссылаясь на Салтыкова-Щедрина. Властвующие идиоты живут под сенью директив и указаний, увлекаются административными методами управления, вдохновляются административным восторгом. Вот здесь, на мой взгляд, есть материал для сопоставления интеллигенции европейской, русской, левой, правой и т. д.

В.А. Шкуратов: Ну, а идея свободно парящей интеллигенции? Ради кого осуществлять разведку? Кто субъект?

В.П. Макаренко: Нельзя утверждать, что Петров вслед за Карлом Мангеймом утверждал идею «свободно парящей интеллигенции». Напомню эпизод из повести: Петров иронически упоминает о песне «Все дороги ведут к коммунизму». По его мнению, к коммунизму ведет одна-единственная дорога. И коммунист-философ-разведчик должен ее обнаружить. Здесь тоже есть предмет для обсуждения.

Вопрос из зала: Виктор Павлович, как бы Вы оценили идейную основу творчества Петрова? С одной стороны, вы утверждаете со ссылкой на Петрова, что марксизм как источник мысли иссяк. С другой стороны, только что сказали, что он был убежденным марксистом. Как эта диалектика соотносится? Что было его идейной основой? К кому он был ближе из мыслителей? К марксистским ревизионистам или у него был самобытный подход? Он же был европейски образованным человеком.

В.П. Макаренко: Здесь я согласен с Юрием Романовичем Тищенко. Термин «марксизм» связан с таким множеством негативных коннотаций, что от него лучше отказаться. А пользоваться понятием «философия Маркса». Это сразу меняет предмет разговора. Потому что в термин «марксизм» вкладывалось столько всяких модификаций и интерпретаций марксизма, что разбираться в них — пустая трата времени. Например, сегодня в рамках христианства функционирует более двухсот сект и всякая выступает от имени Христа. Но можно утверждать совершенно определенно, что нужно прежде всего отбросить те версии марксизма, которые считались официальной идеологией в странах, в которых коммунистическая партия выполняла ведущую роль. Я имею в виду СССР и страны советского блока, хотя формально там существовала «народная демократия». Сегодня эта демократия в России перекалифицировалась в суверенную и тоже хочет создать государственную идеологию.

Можно также провести различие между господствующими партиями, которые называли себя марксистскими, и теми левыми политическими партиями, которые стремились к власти в рамках капиталистического общества. Кто из них состоял на денежном довольстве КПСС? — Это тоже надо рассматривать конкретно.

А когда мы говорим: «философия Маркса», — мы тогда встраиваем эту философию в классические интеллектуальные традиции рационализма. Например, современная аналитическая философия ввела интересный и продуктивный концепт «сущностной оспариваемости всех политических понятий». С этой точки зрения марксизм не менее спорен, чем другие ориентации. И мы относимся к нему как к одной из современных философских ориентаций, у которой нет монополии на абсолютное знание. Если он нам нравится больше, мы развиваем его идеи с помощью обычных научных методов. Короче говоря, на основании горького опыта существования марксизма в виде государственной идеологии невозможно утверждать, что одна версия марксизма предпочтительнее другой.

В.А. Шкуратов: Это модификация принципа фальсификации.

В.П. Макаренко: В этом смысле Петрова можно считать представителем критического марксизма в европейской версии. Можно найти параллели между идеями Петрова и идеями Л. Альтюссера об идеологическом аппарате, а также идеей Антонио Грамши о культурной гегемонии «современного князя» (под которым Грамши имел в виду коммунистическую партию). Петрову принадлежит идея: чем в большей степени партия становится правящей, тем более она стоит перед опасностью множества отрицательных явлений. Отсюда вытекает его главный вопрос: как сделать так, чтобы партия была мощной интеллектуальной силой? Этот вопрос остался без ответа.

В.А. Шкуратов: Так он же не был антипартийным человеком? Он пытался что-то сделать внутри партии. Он не был антикоммунистом ни в коем случае.

В.П. Макаренко: Да, он был последовательным марксистом. Предсказал, что советское общество погибнет неизбежно, если мы к наследству Маркса, Ленина и прочих святых из марксистского прихода будем относиться догматически. В этом смысле марксизм как источник мысли иссяк. Это справедливо только для догматически, а не критически мыслящих умов. И вся система образования, пропаганды, агитации, СМИ, вплоть до ЦК КПСС, — все это он отвергал. Кстати сказать, содержание его небольшой повести можно сопоставить с анализом идеологической машины в «Зияющих высотах» А.А. Зиновьева. Я уже говорил о совпадениях по поводу государства. Есть еще множество совпадений. О них как-нибудь в другой раз. Вопрос Юрию Романовичу: был ли знаком Петров с Зиновьевым?

Ю.Р. Тищенко: Могу сказать, что вполне вероятно.

В.А. Шкуратов: Живи они в 1920–30-е годы, были бы троцкистами...

В.П. Макаренко: Юрий Романович может лучше сказать. Петрова как раз-таки обвиняли в троцкизме, причем, профессора Ростовского университета. Так что если использовать терминологию Сталина, — этот тренд не иссяк...

А.В. Лубский: Поскольку Виктор Павлович больше сейчас говорил о повести Петрова «Экзамен не состоялся», то целесообразно начать наше обсуждение со статьи Виктора Павловича «Решенные вопросы». Это небольшая, злободневная и умная работа. Текст достаточно открытый, в некотором роде эпатажный. Публицистичный, поскольку Виктор Павлович проводит постоянные аналогии с сегодняшним днем. У кого есть желание поучаствовать в обсуждении проблем, которые поднимает Виктор Павлович в связи с его реконструкцией текста повести Петрова?

В.А. Шкуратов: У меня опять вопрос не по существу. Витя, там есть герой Шатов, это не относится к Достоевскому «Бесы»?

В.П. Макаренко: Да, относится, я об этом пишу в книжке. Героем повести выступает аспирант Шатов. Это автобиографический след наверняка. Он сдает экзамен по философии в Институте философии АН СССР. У Достоевского в «Бесах» Шатов тоже колебался, и партия его потом ликвидировала. В терминологии Петрова Шатов — это «чистой души романтик».

В.А. Шкуратов: У Достоевского он тоже романтик...

В.П. Макаренко: Я давно не перечитывал «Бесы»...

А.В. Лубский: Шатов в «Бесах» разуверился в революции, герой Петрова тоже разуверился...

В.П. Макаренко: Нет, в революции он не разуверился. Он разуверился в советском варианте марксизма. В моей статье этот сюжет опустили, а в книге перечислены символические фигуры повести. Имена, отчества и фамилии выдающихся докторов наук. Одна из них — Викторина Никифоровна Победоносцева. Из текста повести вытекает вопрос: не является ли марксизм в виде государственной идеологии в три раза хуже, чем идеология Победоносцева? Эта самая Викторина сделала из марксизма способ зарабатывать хорошую копейку и приобретать официальный статус. Она писала, что жены декабристов вполне сознательно спали с жандармскими офицерами для того, чтобы передать выведенные у них сведения революционерам. Символика повести — особая тема разговора. Затем там есть фигура циника Полумакаева и придворного философа Модестова. Если сравнить это с социологией научного и философского сообщества советского времени, то возникают любопытные выводы. В 1997-м году вышла статья всем известного Леонида Наумовича Столовича «Юмор в советской философии». Он там тоже указывает типы людей, нашедших пристанище в советской философии: «глупый марксист», «умный марксист», «циник» и «бравый солдат Швейк», который верил в марксизм в духе молодого Маркса. Любопытно бы это сопоставить с науковедческими и конкретно-социологическими исследованиями.

А.В. Лубский: Позвольте мне высказать некоторые соображения в связи со статьей Виктора Павловича «Решенные вопросы» по повести «Экзамен не состоялся». В аннотации написано, что в статье предпринимается попытка историко-социологического анализа типов профессиональных философов на основе анализа статьи Петрова. Таков один из методов работы Виктора Павловича. Он рассматривает повесть в контексте того советского менталитета, носителем которого мы в определенной мере продолжаем оставаться...

В.П. Макаренко: Извини, я прерву по поводу менталитета. В книжке есть несколько страниц о советском менталитете. В журнальной статье они опущены. Я опирался на 4-томник Бориса Андреевича Грушина «Четыре эпохи в жизни россиян», к сожалению, незавершенный. Я сопоставил результаты социологического исследования советского менталитета по десяти параметрам Б.А. Грушина с тем, что писал в своей повести Петров. Грушин проводил свои социологические исследования 1960-х гг. в Таганроге. Поэтому в целях локальной привязки я ввожу понятие таганрогско-ростовской ментальности, чтобы акцентировать ее общесоветские параметры.

А.В. Лубский: Сейчас исследования продолжает «Левада-центр», они время от времени публикуют интересные материалы, свидетельствующие о живучести советского менталитета в современной российской действительности. Второй метод исследования ментальности свя-

зан с деконструкцией текста. То есть, автор говорит о том, что он погружается в зашифрованный смысловой пласт повести. Пытается опуститься к нижней части айсберга с целью провести параллели между советским прошлым и нынешней реальностью. Здесь он рассматривает те проблемы, которые так волновали в то время Петрова. На этой основе Виктор Павлович конструирует типы философов того времени и показывает актуальность, злободневность предлагаемой им типологии для наших дней. Повесть Петрова сама по себе достаточно сатирическая, но она злободневна ещё и потому, что... Вот я недавно прочитал в интернете сообщения по поводу развала факультета социологии и политологии. Я об этом чуть позже скажу, но она мне почему-то мне всплыла на ум, когда я читал вашу статью. Объектом сатиры у Петрова является советский философский бомонд 1950-х годов и история революционного движения. Какие же типы выделяет Виктор Павлович?

Позволю себе тоже заняться деконструкцией. Первый тип — это «вивисекторы духа», которые делают операции живым организмам, чтобы посмотреть, как они на это реагируют. «Вивисекторам духа» марксизм не нужен. Среди этой своры философов Петров, — а вслед за ним Макаренко, — выделяет два типа: «придворные философы» и «философы-циники». Им противостоят «романтики духа» и «философы-разведчики», к которым Виктор Павлович относит автора повести. Они являются необходимым звеном между философией и практикой. Такова функция «философа-разведчика».

Критерий выделения указанных типов и видов — отношение к решенным вопросам. Для «вивисекторов духа» после выхода «Краткого курса истории ВКП(б)» все вопросы были решены. Вот на что следует обратить внимание. Я — историк и хорошо это знаю. Интерес к реальному положению дел был утрачен. Более того, интерес к реальному положению дел после выхода «Краткого курса истории ВКП(б)» рассматривался как преступление против партии и народа. Поэтому период 1930-х — середины 1950-х годов — темное место в исторической науке и философии. Поскольку вопросы оказались уже решенными; они, с одной стороны, затасканы по кафедрам, учебникам, статьям, пропагандистским листовкам. С другой стороны, каждый решенный вопрос оказался очень скользким, на котором была сломана не одна голова. То есть, он вроде бы решенный, но опасный. Лучше не притрагиваться к решенному вопросу, потому что ситуация может измениться в любой день. И то, что было решено сегодня, окажется вредным завтра. Поэтому от «вивисекторов духа» требовалось колебаться вместе с линией партии, то есть вовремя переходить от одного решения вопроса к другому.

Я как историк этим вопросом специально занимался, — в начале 1990-х гг. выпустил книжечку о том, как изучали в советской исторической науке империализм в России. Официальные историки опирались на Ленина, который в борьбе с народниками (кстати, они отрицали развитые формы капитализма в России) явно завышал уровень развития капитализма в России. Вслед за Лениным официальные историки доказывали, что в России капитализм достиг уже монополистической стадии, что он был такой же, как и на Западе. Это делалось для того, чтобы показать, что в России есть предпосылки социалистической революции. Однако когда в СССР в середине 1930-х годов по сталинскому указанию «победил социализм», и когда надо было противопоставить СССР Западу, то аргументы были такие: Россия — это деревня, соха; СССР — это город, трактор, индустриализация, ДнепрогЭС и так далее. Чтобы продемонстрировать героические свершения, необходимо было показать, что дореволюционная Россия была нищей и убогой. Появилась школа М.Н. Покровского, которая показывает, что капитализм в России — это другой капитализм по сравнению с Европой, что это капитализм шапки Мономаха.

В.П. Макаренко: Недавно переизданы лекции Покровского, очень интересные.

А.В. Лубский: У меня его книжка есть. И книжка Покровского, и две книжки против школы Покровского. Вначале против «антиисторической», потом против «антимарксистской» концепции Покровского. Но тогда возникает другая проблема: откуда взялись пролетарские революционеры в России, если в ней господствовали феодально-крепостнические пережит-

ки? Уж не привезли их в вагоне? Школу Покровского разгромили, но он успел к тому времени умереть. Затем его идеи реабилитировали. Всё это произошло на протяжении буквально 10 лет.

В повести Петрова объектом сатиры становится история революционного движения в России. Я хочу сказать, что действительно, в 1930–50-х годах мало кого интересовало, как это было на самом деле. Главное было — как думают по этому поводу вожди? А это было изложено в «Кратком курсе истории ВКП(б)» и сопутствующих брошюрах. Поэтому в изображении истории революционного движения в России господствовали идеологические и риторические трагедии. Идеологические заключались в том, что пролетарские революционеры-марксисты изображались как идеальные революционеры, а риторические заключались в героизации этих революционеров. Идеология была доминантной в изображении революционного движения. Пролетарские революционеры изображались как гиганты мысли и действия, в отличие от мелкобуржуазных революционеров. После «Краткого курса истории ВКП(б)» вышла книжка Ярославского «Разгром народнического марксизма», которая подпала приговор всем историкам, которые занимались изучением народничества в России. Тема была закрыта, народников все перестали изучать. Всё ясно с ними.

Методы работы историков были соответствующими. Вначале это было оперирование цитатами, надерганными из работ Ленина и других классиков марксизма. Потом это безобразие прекратили, был издан «Краткий курс...», где стало ясно, какие цитаты можно и нельзя использовать, и вообще, как правильно интерпретировать нашу историю. В 1950-е годы, особенно после XX-го съезда КПСС, одни историки продолжали жить в эпоху «Краткого курса...» (а некоторые продолжают жить и сейчас); другие стали предпринимать попытки интерпретации трудов классиков марксизма-ленинизма. Этим занимались шестидесятники прошлого века. Они поставили перед собой задачу перейти от сталинского марксизма к истинному марксизму.

В.П. Макаренко: В том числе и к описанию жертвеннического начала в истинном марксизме. Я имею в виду книжную серию «Пламенные революционеры», повести Ю. Трифонова, Ю. Давыдова...

А.В. Лубский: Это уже революция — переход от сталинизма к особой интерпретации марксизма, к истинному марксизму. Но когда ставится задача: выявить истинную сущность любого учения, то всегда появляются те, которые присваивают себе право на правильную трактовку и те, которые в эту правильную трактовку не вписываются. То есть, появляется фундаментализм и ереси. Все попытки движения к истинному марксизму 1960–70-х годов закончились разгромом в исторической науке так называемого «нового направления». Было издано постановление ЦК КПСС о том, как правильно надо изучать историю. П.В. Волобуева и его компания разогнали. Всё это было признано ересью. В 1970 году появился целый огромный пакет различного рода сборников статей, монографий под названием «Ленин». Партия испугалась. Почему? Там уже не просто шла игра в цитаты, там каждая цитата Ленина подтверждалась фактическим материалом. За 15–20 лет историки накопили много в архивах фактического материала, в этом плане была более-менее свобода. Открылись архивы. Но вы понимаете, что любую цитату можно подкрепить фактическим материалом.

В.П. Макаренко: Конкурирующие концепции все опирались на ленинские цитаты.

А.В. Лубский: Абсолютно! Все ссылались на Ленина, трактуя его так, как каждому было выгодно его трактовать. Я не говорю о том, что это плохо или хорошо, это была такая привычка. Помню, мы с Александром Павловичем Пронштейном написали статью по массовым историческим источникам. Я ему принес, говорю: «Вот, смотрите». Он читал-читал, потом говорит: «Нет. Тут XXIV съезд КПСС состоялся, вначале напиши». Я говорю: какое отношение имеет XXIV съезд к этому вопросу? Он отвечает: «Ты почитай внимательно и напиши, иначе нас не опубликуют». Так это было. Действительно, я припелл призыв изучать конкретное, историческое к методике изучения массовых источников.

Тот же самый пример из истории революционного движения в России. Со второй половины 1950-х годов стали призывать к преодолению культа личности Сталина во всех сферах, в том числе и исторической науке. Вновь проявился интерес к тем самым народникам, которых запретили изучать. Возникло два типа: модестовы — авторитеты старой советской историографии, которые продолжали рассказывать о том, что народники были идеалистами, что их методы борьбы были неправильные, что ни террора, ни массового политического действия не должно быть. Но тут же появились и романтики духа, которые выступали за пересмотр самой концепции, поскольку она не базируется на исторических источниках. Действительно, они в то время накопили в архивах очень много интересного фактического материала. У них возникла совершенно иная концепция народничества: народники — никакие не идеалисты, а материалисты; они не были догматиками; они хотели взбудоражить общество и не считали метод террора основной формой борьбы; они считали, что это подтолкнет общество к учредительным собраниям.

Но кто в конечном счете одержал победу? На том этапе ее одержали модестовы; и в годы перестройки об этих романтиках духа знали, никто их никуда не разгонял, но время от времени их приводили в качестве примера не совсем исторического подхода к изображению российского прошлого. Зато в период перестройки они оказались на коне.

Я привел примеры для того, чтобы понять лучше контекст, в котором была написана повесть Петрова. Кроме этого меня особо заинтересовал сюжет, связанный с образованием. Согласно Петрову, экзамен есть разновидность исповеди, поскольку он требует предельной искренности. Между тем, советская школа и общество в целом эту искренность систематически подавляли. Но мне кажется, дело не только в искренности. Дело в том, что на экзамене надо было говорить не то, что думаешь, а то, что надо. А сегодня? Я хочу, чтобы вы задумались. Студенту надо говорить то, что думаешь, или то, что надо? Я работаю уже много лет с преподавателями высшей школы, которые приезжают к нам на повышение квалификации. Я обратил внимание на то, как они выставляют отметки. Отвечает студент. Отвечает-отвечает, преподаватель спрашивает: «Где это ты взял?» — «В интернете»; «А я, — говорит преподаватель, — не так тебе объяснял. Иди, „три“» То есть, опять надо говорить не то, что думаешь, а как надо. А что значит, «как надо»? «Как надо» — это «на запоминание». Отсюда вытекает не знание, а вера. Значит, обучение — это школа памяти и веры. Об этом писал Петров, говорит Макаренко, о том же свидетельствуют наши сегодняшние реалии. Это не школа мышления и поиска истины. Именно в связи с этим появилась работа Э. Ильенкова «Школа должна учить мыслить».

Конечно, мыслить вряд ли кого-то можно научить, но создать условия, чтобы студент учился мыслить, — вполне посильно. А у нас что? Мы продолжаем учить студентов. Как нас учили наши учителя, как их учили учителя ещё в эпоху индустриализации. Нам кажется, что мы передаем им знания. Ничего мы им не передаем, кроме информации, которую — в силу своих интеллектуальных способностей — они могут превратить в знания. Но чаще всего ни в какие знания они информацию не превращают, а сдают экзамены и говорят: «Ну, слава Богу, можно этот ужас забыть». И благополучно забывают. Никаких остаточных знаний у них просто нет, как ни пытаются их проверить.

Вы можете это проверить на своем опыте. Я как-то пошел на лекцию по политологии, тема: «Политические институты». Молодой преподаватель радостно говорит: «Вы же изучали социологию, знаете, что такое социальные институты? Давайте вспомним». А они не вспомнили. «Да кто вам социологию читал?». Но когда узнал, кто читал, сказал: «Вы, наверное, на лекциях не присутствовали». Это распространенное явление. То есть, вуз — это школа памяти. Естественно, человек не может всё запомнить. Так вот, авторитарная педагогика связана с тем, что преподаватель действительно объявляет себя «Кратким курсом истории ВКП(б)». Я хочу, чтобы над этим задумались. У меня эти мысли появились от чтения книги и

статьи Виктора Павловича. А также на основе собственной ментальной программы, которая формировалась в результате чтения умных и глупых книжек, социального опыта.

Резюмирую. Все решенные вопросы подлежат пересмотру. В этом смысле, позиция Петрова однозначна. Никакой монополии правительства на решение социальных проблем он не признавал. Необходима также ликвидация двоемыслия и разрыва между словом и делом. Такова сверхзадача не только Шатова, но и сегодняшнего дня. Виктор Павлович пишет, что Петров отвергал личностно-именной (характерный для традиционного общества) и профессионально-именной (характерный для капиталистического общества) принцип строительства партии, и настаивал, что только абстрактно-понятийный принцип, то есть всеобщая анонимная политическая дискуссия может решить проблему партии как средства строительства коммунизма. Если этот вывод немного расширить и распространить на науку, то оказывается, что у нас продолжает ещё господствовать личностно-именной принцип — мы постоянно обращаемся к авторитетам. Мне понравилось выражение: «Восторги перед всплесками руководящего мышления пока не закончились». Да, мы продолжаем жить в ситуации потребности единомыслия. Я всегда говорил: единомыслие — это один мыслит, а другие не знают, чем занимаются.

Нам надо найти нормы, которые обязательны для всех. В 1990-х годах развернулась дискуссия о методологическом плюрализме в исторической науке. Я описал эту дискуссию. В чем она проявляется? Многие историки участвовали в дискуссии, заявили о необходимости единого подхода к истории, отражающую одну-единственную теорию исторического процесса. И требовали, чтобы им дали такую единственно-правильную теорию.

В.П. Макаренко: Они просто не хотят читать, изучать, а хотят талдычить один учебник на протяжении всей жизни. Я называю это «трамвайным мышлением».

А.В. Лубский: Но никто после официального отказа от марксизма такую теорию не дал. На практике получилось так, что ребята, работавшие в Институте научной информации по общественным наукам АН СССР, которые занимались критикой буржуазных теорий, слово «критика» убрали и на рынок выбросили целую серию работ, посвященных теоретической зарубежной мысли полувековой давности. Некоторые наши ученые, впервые прочитав и сами работы, и их изложение, догматически усвоили некоторые из них и возомнили себя обладателями всей истины. После этого наша историческая наука превратилась в коммунальную квартиру. Не только историческая наука, но и все социальные науки. Где каждый считал, что он обладатель истины, потому что он опирается на...

В.А. Шкуратов: Как говорила одна дама, «я опираюсь на Зиновия Фрейда»...

А.В. Лубский: Идеологическая ангажированность проявляется в нашествии околонучного маргинала. Это все те же самые негативные тенденции современного монизма. Еще у Петрова мне понравилась характеристика диалектики как кнута для сталинского управления. Однако сейчас никто из руководителей к диалектике не обращается. Сейчас к ней апеллируют сами ученые. Не найдя достаточных аргументов, они сразу же говорят о диалектике. То есть, апелляция к диалектике превратилась в прикрытие убожества мысли.

В.П. Макаренко: Да почти всегда так было, особенно в советское время. За исключением нескольких серьезных мыслителей...

А.В. Лубский: Теперь стали рассуждать о триолектике, квадриолектике, и так далее, и тому подобное... И наконец, по поводу того, что гомо советикус жил не только в мире повседневности, но и в сфере духа. Иначе говоря, пишет Виктор Павлович, согласно Петрову, нормальное общество предполагает таких индивидов, которые отвергают любой культ личности, постоянно рассуждают о высоких материях, руководствуются авторитетом истины, а не мнением начальства. И функция коммунистов-философов-разведчиков состоит в критике практики, чтобы от критики практики перейти к теории, которая продвигает нас к истине. Не практика есть критерий истины, а практика как объект критики для развития теории, продвигающей истину.

Я пообещал вам в заключение сказать несколько слов о размещении в интернете материала по поводу развала факультета социологии и политологии. Я против использования термина «развал» и негативно отношусь к тем, кто разваливает, кого разваливают, кто употребляет слово «развал». Может, это влияние моего биографического опыта. В седьмом классе я был председателем совета дружины, один мальчик нехорошо поступил с девочкой, а я дал ему в лоб...

В.П. Макаренко: Наверное, тебя за это исключили из пионеров!

А.В. Лубский: Нет, мне вынесли выговор «за развал пионерской организации». И не послали в «Артек», хотя обещали. Послали того, кому я дал по шее — он был сыном завуча школы. Но я от этого выиграл. После этого я выявил тенденцию, что с каждым наказанием я становился умнее. Теперь по поводу размещенного материала. Некто выражает протест против того, что был факультет социологии и политологии, а теперь руководство университета его разваливает. Что они хорошо устроились, в том числе помощником президента...

В.П. Макаренко: А, это статья Сухаря...

А.В. Лубский: Меня не интересует, кто писал, меня интересует сам стиль. Он как раз такой, против которого выступал Петров. Автор этого материала выступает от имени народа. Он пишет, что все выпускники «против». Но главное: выступая от имени народа, он оставляет за собой право обращаться к высшей инстанции. Вы понимаете, что от имени народа выпускники напишут письмо, — кто-то приедет, рассудит, и кого-то накажет. Вот это тип гомо советикус, который живет в нас во всех, но в разной мере. Наверное, Виктор Павлович уже по капле выдавил его из себя, не знаю. Может, какие-то капли ещё остались. Но он жив, и вот типичный пример. Если появляется в интернете такой материал, — вот вам и вивисекция духа, и придворная философия, и многое-многое другое. Иначе говоря, эта форма протеста восходит к эпохе Сталина. И последнее: высшая школа — это школа мышления, а не школа памяти. Особенно это важно для Южного федерального университета, который должен претендовать не просто на выпуск высококвалифицированных кадров, а на то, чтобы выпускать национальную элиту. Пока у нас не будет национальной элиты, которая отвечает за прошлое, за настоящее, за новации, за традиции, ничего у нас путного не будет. Нам нужны не только «философы-разведчики», но и интеллектуалы, в хорошем смысле слова. Интеллект — это способность ставить задачи и решать их. Для этого интеллектуалы имеют особое значение.

В.П. Макаренко: Кстати, есть книжка Пола Джонсона, английского консервативного историка. Она до сих пор не переведена на русский язык, хотя кучу других книг этого автора перевели. Там описана целая плеяда интеллектуалов, включая Льва Толстого.

А.В. Лубский: В заключение позвольте привести шутивную историческую ремарку. В повести Петрова описана пивная, в которой герои выпивают, закусывают, беседуют и обсуждают факт отмены шпиков после смерти Сталина. Виктор Павлович пишет: похоже, современная российская мода пить на троих — продукт отмены шпиков при Хрущеве. Виктор Павлович, как историк хочу тебе заметить, что мода выпивать на троих появилась действительно при Хрущеве...

В.П. Макаренко: Я перебыю, я задавал этот вопрос академику Ю.С. Пивоварову в прошлом году, поскольку он занимался советской историей.

А.В. Лубский: Сейчас я скажу. Привычка или потребность пить на троих не является продуктом отмены шпиков после смерти Сталина. Она появилась в эпоху Хрущева. После денежной реформы у нас водка стала стоить 2 рубля 87 копеек. Поскольку денег на целую бутылку не хватало, то работяга выходил из проходной или приходил в пивную и показывал из-под полы палец, что у него есть один рубль, требуется ещё два. И вот, они втроем собирались, покупали бутылку водки за 2.87, оставалось 13 копеек. Покупали 2 пирожка по 5 копеек, а когда выпивали, то, один, как правило, отказывался от пирожка, говорил, что ему надо домой ехать, а два продолжали искать третьего. Чтобы прекратить эти безобразия, когда по-

сле работы работяги на троих соображали, — а это стало уже привычкой, — правительство СССР выпустило негласное постановление: наладить производство чекушек!

В.Ю. Попов: Вот эта формула «коммунист-философ-разведчик». Мне кажется, в тексте Виктора Павловича предлагается уточнение фигуры критика или национального самокритика. Получается интересная штука: если соединить философа-разведчика с критиком, то исчезает коммунизм. А если коммунизм понимать как некую солидарность? Представление об обществе, где люди хотят быть вместе, тут вступает в противоречие с наличием у людей разных стратегий. В том числе приспособительных, осуждаемых и неприемлемых. Так вот, разведчик ведь не только должен добывать информацию, он ещё и должен скрывать её. Но в школе советского человека приучили: «спрашивают — отвечай»; если не отвечаешь — санкции, наказание. На мой взгляд, это одна из вреднейших вещей, порожденных эпохой. Солидаризироваться с людьми, у которых иные социальные стратегии, очень сложно. Что в формуле национальной самокритики заменит идею коммунизма или вы вообще отвергаете эту интерпретацию? Этот вопрос я адресую также Виктору Павловичу.

А.В. Лубский: Виктор Павлович сейчас расскажет, что он пишет о коммунистах-философах-разведчиках. Я же пытался провести аналогию, убрав слово «коммунисты». Какова функция современных философов-разведчиков? Это я увязал с критикой практики. Никто из нас не избавлен от идолов собственного сознания. В значительной степени мы все ангажированы — идеологически, политически и т. д. Позитивистского идеала ещё никому не удалось осуществить, чтобы в научном знании ничего не было такого, что не относится к предмету исследования. Понятно, что в научном знании присутствует сам субъект познания. Отсюда проявляется множество картин реальности. Но когда я говорю о философе-разведчике, я имею в виду то, что философ-разведчик в первую очередь исходит из презумпции критики. Из преимущества критики социальной реальности. Мы долгое время считали, что практика — критерий истинности знания. Но в научном дискурсе речь идет о картине социальной реальности. И эти картины социальной реальности начинают транслироваться. Тот, кто обладает большим психологическим капиталом власти, у того больше шансов, что его картина социальной реальности станет доминирующей. Эту картину социальной реальности усваивают те, кому она предназначена, начиная от обывателя, и заканчивая профессионалами. И эта картина социальной реальности начинает замещать собственно реальность. Люди начинают жить в той реальности, которая им была навязана. И поэтому практика как критерий истины становится очень и очень условным.

И поэтому, философ-разведчик — это критик, практик. Для того, чтобы понять и объяснить теорию. А поскольку Петров был в этом плане сторонником Маркса, то он и считал, что критика практики дает возможность разрабатывать теорию движения к истине. Вот что я хотел по этому поводу сказать.

В.Ю. Попов: Если в этой формуле все компоненты равнозначны (для Шатова или для самого Петрова) и если все они одинаково весомы, то они не композитны. Фактически в развигие темы вы говорите о национальной самокритике, как бы уточняя эту позицию. Наверное, фигура национального самокритика близка идеям Петрова, но коммунистическая компонента — это что, в вашем понимании или в понимании современного общества? Что приходит ей на смену? И как в понимании Петрова понимать коммунизм?

В.П. Макаренко: Мне кажется, Петров под коммунизмом имел в виду солидарность всех в поиске истины. Или постоянный поиск единомыслия. Он говорил: коммунисты — это единомышленники, а не единоверцы. А значит, проблема коммунизма помещается в противопоставление веры и знания. В состав этой классической и до сих пор не решенной проблемы. Есть разные варианты ее решения, и все они спорны. В христианской философии есть несколько версий решения проблемы взаимодействия между верой и знанием. И коммунизм, даже индивидуализированный, является попросту одной из версий. Петров с этой точки зрения апеллировал к знанию, но не к вере. Значит, его смысл термина «коммунисты» — это те,

для которых мысль является главным авторитетом, а не вера. Это одно из решений классической проблемы о соотношении веры и знания. В рамках христианской схоластики существовало несколько школ: одни ближе к рационализму, другие к вере, третьи к интуиции, четвертые к экстазу и т. п. В православии есть еще исихазм. Единого ответа нет.

В.А. Шкуратов: Да это элементы гностицизма, причем, проблема гностицизма чрезвычайно сложна. Да, ты прав совершенно, Петров был гностиком и анабаптистом. В том смысле, что творческий порыв, экстаз, — начало преобразования действительности, — был одним из центральных пунктов его философии. Анабаптизм — это массовое движение, отвергающее существующую институализированную веру, которая воплощена в попах, идеологах, политических, идеологических структурах.

В.П. Макаренко: Однако согласно Петрову коммунисты ни в коем случае не являются единоверцами, в отличие от гностиков и анабаптистов. Это можно утверждать совершенно определенно.

М.С. Константинов: Я не очень понимаю, как соотносятся несколько тезисов, которые Вы выдвинули. В статье речь идет о том, что сверхзадачей Шатова является преодоление разрыва между словом и делом. При этом ставится задача продвижения европейского универсально-понятийного кодирования и критики практики. Но если мы уберем этот разрыв между словом и делом, который лежит в основе европейской культуры, тогда как можно «продвигать» универсально-понятийный способ кодирования и тем более критиковать практику?

А.В. Лубский: Отвечу, как я понимаю. Виктор Павлович рассматривает вопрос о единстве слова и дела в плане трех видов критики: традиционное отношение к критике (когда она отождествляется с нанесением кому-то вреда); идеологическая болтовня под видом критики («оголтелая и злобная критика»); презентизм — концепт мира, наилучшего из возможных, который существует здесь и сейчас.

М.С. Константинов: Дело в том, что, по Петрову, универсально-понятийный способ кодирования возникает *в результате* разрыва между словом и делом. Поэтому, если мы ставим сверхзадачу преодоления этого разрыва, возникает вопрос об основаниях европейской культуры, и, соответственно, универсально-понятийного способа кодирования. Я не вижу в таком случае способа критиковать практику, если этого разрыва нет.

В.П. Макаренко: Нет, подожди! Ты знаешь, что у Петрова есть формулировка: связь философии (теории) с практикой через курятник. Речь идет обо всех способах, существовавших в Советском Союзе, по связи философии (теории) с общественной жизнью.

А.В. Лубский: Здесь более широкий теоретический вопрос: если задача сводится к преодолению разрыва между словом и делом, то тогда исчезнет основание для критики практики. Поэтому разрыв между словом и делом — необходимое условие развития теории. Почему? Потому что на практике существует слово и дело.

В.П. Макаренко: Петров настаивает на том, что должна существовать связь слова с делом. По его мнению, в этом состоит исток палубной (европейской) культуры. Светлана Сергеевна Неретина в своей статье развивает версию, что в этом пункте Петров не совсем правильно излагает суть христианского мировоззрения. Но я не знаю: правильно или нет. На этот вопрос сейчас ответить не могу. Требуется специальное изучение. Причем, не просто на уровне каких-то общих каких-то дедукций, как сказал бы Кант, а на основе конкретных примеров взаимосвязи философии с жизнью. Теория суждения разработана, требуется детальный анализ убеждений. В них ведь воплощается как раз связь слова с делом. При этом надо отвергнуть то, к чему нас приучила советская жизнь: человек говорит одно, думает другое, а делает третье. Нужен анализ действующих, невербальных, бессловесных, непубличных убеждений. Всей сферы того, чем человек пронизан, чем он реально живет, и о чем он даже в последнюю минуту — в условиях выбора жизни и смерти — готов сказать или молча подумать: «На этом я стою и готов за это умереть». Вот о таких убеждениях идет речь.

А.В. Лубский: Слово и дело имеют моральный смысл. Известно выражение Ельцина: «Мое слово; хочу — дал, хочу — взял назад». В отличие от Ельцина, я думаю: повесть Петрова надо обязательно изучать на первом курсе. В плане формирования универсальных компетенций, связанных с нравственной позицией будущего представителя элиты. Не просто изучать, а чтобы они поняли, а не на уровне запоминания того, что там написано.

Ю.Р. Тищенко: Я согласен с этим предложением. Надо опубликовать повесть Петрова в виде небольшой книги. Не в журнале, в котором повесть Петрова опубликована, а повесть Петрова отдельной книгой. Тогда студенты, может быть, прочитают, потому что это в интернете. Надо, чтобы была повесть сама по себе, кто будет читать журнал?

В.П. Макаренко: На сайт нашего журнала в сутки ходит до 200 человек.

Ю.Р. Тищенко: Весь юмор заключается в том, что, несмотря на фундаментальное значение этой повести для дальнейшей творческой, философской, социологической работы, она практически неизвестна. Какую роль сыграла эта повесть в дальнейшей жизни Петрова? Есть два эпизода в жизни Петрова, которые исковеркали всю его последующую жизнь: - написание этой повести и связанные с ней события; - написание статьи в журнале «Вопросы философии» и связанные с этим события. Я сейчас вам назову некоторые даты, которые весьма интересны. 1959-й год: написана повесть. В 1960-м году она послана в Центральный Комитет Коммунистической Партии Советского Союза, на имя первого секретаря Никиты Сергеевича Хрущева. На одной из страниц письма Петрова излагается мотив, почему он написал, а самое главное: зачем послал. Петров писал: «Я считаю, что содержание этой повести, если она будет опубликована, будет иметь значение для обсуждения целого ряда диалектико-политических проблем, связанных, с предстоящим XXII-м съездом партии. Я считаю, что эта повесть может послужить началом, вызвать широкую дискуссию». Из ЦК КПСС эту повесть переслали в Ростов. Куда именно — это тоже проблема. Скорее всего, в Ростовский ОК КПСС. Во всяком случае, повесть сразу же дана была на рецензию профессорам ЮФУ. Один из них — специалист по современной литературе, другой — специалист по философии. Как потом заявляли рецензенты, повесть поступила к ним без сопроводительного письма на имя Хрущева. Некоторые даже таким образом старались не только объяснить, но и оправдать свою позицию. Затем эта повесть была направлена в Ейск. В летное училище, где Михаил Константинович Петров был заведующим кафедрой иностранных языков. У меня в руках (и не только у меня) было так называемое «Дело коммуниста Петрова» (об исключении его из партии). Дело началось при Хрущеве. В деле был машинописный текст повести и протокол заседания партийной группы кафедры, где рассматривался вопрос об ответственности Петрова. Я впервые прочитал эту повесть по тому тексту, который был в партийном деле. Что характерно, вопрос обсуждался предварительно на заседании партгруппы кафедры философии. На дверях кафедры было написано «Кафедра философии». Когда меня пригласили для беседы в партийный комитет, связанной с обсуждением этой повести, то заместитель партийного комитета меня спросил: «Как называется ваша кафедра?». Я ему отвечаю: «Кафедра философии». — «Ничего подобного!». Я на него вылупил глаза. «Она называется „Кафедра марксистско-ленинской философии“». Недавно я ради интереса проверил документы: она действительно так называлась.

В.П. Макаренко: Да, я помню!

Ю.Р. Тищенко: Хотя на двери висела табличка «Кафедра философии». Два слова об обсуждении этой повести. Кафедра философии Ростовского государственного университета поставила вопрос о восстановлении его в партии. Это делалось на собрании партийной группы кафедры, потому что тогда не было никаких социологических и психологических служб. Поэтому кафедра была на правах первичной партийной организации. Также обстояло дело на кафедре истории партии. Я кое-что помню из своих впечатлений, из того, что было на собрании. На собрание кафедры пришли почти все. Я тоже там выступал, страшно был возмущен: как можно было Петрова за эту повесть исключить с такой формулировкой после XX-го съез-

да партии? В моей голове это не укладывается. Я высказывал там свое возмущение. Характерный момент: после моего выступления (собрание было закрытое) один из уважаемых доцентов, сказал мне такую вещь, хотя и доброжелательно: «Юрий Романович, ты многого не понимаешь». И здесь же обратился к Алексею Васильевичу Потемкину: «Это ты виноват, Алеша!». Потом, спустя время, сейчас мне уже многое становится ясно. В том числе некоторые факты моей с Алексеем Васильевичем биографии. Во всяком случае, партком Ростовского госуниверситета решил восстановить Петрова в партии, Кировский райком это подтвердил; и только на уровне городского комитета партии с нашим решением не согласились. Сейчас я напому, с какой формулировкой в Ейске исключили. Никто там повесть не рассматривал, просто согласились с общей формулировкой, что она носит антипартийный характер. Так вот, в Ейске было записано: «Исключить за недостойное поведение, выразившиеся в написании и посылке в ЦК КПСС повести антипартийного содержания». Ростовский городской комитет КПСС, а затем Ростовский областной комитет КПСС по существу подтвердили решение парткома Ейского училища. Но при этом извратили формулировки. Вслушайтесь, что написали в Ростовском областном комитете партии. «В своей повести, устами её героев, выступил с клеветой на коммунистическую партию, на советский общественный строй, на социализм и коммунизм. Подверг ревизии учение марксизма-ленинизма. И не вывел при этом положительных героев, которые бы разоблачали эту клевету на наше советское общество, на нашу действительность». Такое решение было вынесено в 1965–1966-х годах.

Чтобы было ясно, для чего я сейчас это говорю, отвлекусь на секунду и попрошу обратить внимание на даты, связанные с тем периодом жизни Петрова. В 1959-м г. Петров написал повесть. В 1960-м г. послал Хрущеву. В 1961-м г. его исключили из партии. Есть ещё характерный эпизод: в летном училище его обвиняли в том, что он учит студентов не по произведениям классиков марксизма-ленинизма, а читает современные американские и английские журналы. Заставляет студентов переводить эти тексты. В 1965-м году отказали в восстановлении в партии. И только через пять лет, в 1970-м году его уволили из университета. Но увольнение было вызвано статьей 1969 года. Получается, что исключенному из партии можно было пять лет работать в университете. Никто не ставил вопроса о его исключении из университета. А после написания статьи в 1969-м году уже в 1970-м году его из университета изгнали. Здесь возникает много вопросов: кто, где, когда, какую роль сыграл?

У меня вместе с Виктором Николаевичем Дубровиным есть одно из предисловий к работам Петрова, где мы подробно анализируем ход обсуждения в Институте философии Академии наук СССР его статьи в «Вопросах философии». Характер обсуждения был зафиксирован одним из старейших работников журнала «Вопросы философии» Ц.Г. Арзаканяном. Он опубликовал в «Вопросах философии» очень точный, подробный, не вызывающий никаких сомнений отчет. Только три человека выступили в защиту Петрова — Мамардашвили, Субботин и ещё кто-то, не могу вспомнить. Мамардашвили сказал, что это всё безобразие выдумывают участники обсуждения. То, что они преподносят как характерное содержание статьи Петрова, и здесь же начинают его опровергать. В таком стиле обсуждать невозможно.

Самый главный вопрос у меня: как можно было человека за эту повесть исключить из партии? Думаю, Макаренко Виктор Павлович был вторым после меня человеком, который внимательно прочитал эту повесть. Рецензенты — не читатели. В момент публикации повести в журнале «Дон» её прочитал и выступал при обсуждении в РИСХМе Савелий Петрович Липовой. Он же написал отзыв о ней в журнале «Дон». Я не исключаю, что в жизни многие к ней обращались. И многие недоумевали, почему за эту повесть Петрова исключили из партии. Высказываются догадки о каких-то иных причинах этого акта. Тут можно сказать: устами младенца глаголет истина. Для меня остается самым важным и открытым вопросом: если в 1965-м году решением областного комитета партии его не восстановили в партии, то почему лишь через 5 лет уволили из университета? И нашли основание для этого в статье в «Вопро-

сах философии»? Это смешно. Я уверен, что его уволили не из-за статьи. Кого это интересует по существу дела, можете сами перечитать статью.

С.А. Кислицин: Да она наукообразная, тяжелая.

Ю.Р. Тищенко: Нет, она не наукообразная, вы, видимо Петрова не читали.

С.А. Кислицин: Нет, я её читал.

Ю.Р. Тищенко: Ну, возможно, вы прочитаете статью в «Вопросах философии». Она написана в лапидарном стиле, очень интересная. Многие заявляют так, в том числе и вы: «Я не могу читать Петрова». Текст действительно читать трудно, я с вами здесь полностью согласен. Но остается вопрос: как это могло случиться?! Пять лет в университете держали исключенного из партии человека и никаких претензий не предъявляли. Я присутствовал на заседании трех кафедр, где один человек из Ростовского обкома КПСС пытался подать голос при обсуждении этой статьи и сказал так: «Ну, если Петров не хочет читать марксистско-ленинскую философию...». Вот, собственно, главное, что я хотел сказать.

А.П. Окусов: Коллеги, я журнал со статьей Петрова читал и знаю, что Ю.А. Жданов помог Петрову.

Ю.Р. Тищенко: Роль Жданова в судьбе Петрова преувеличена.

А.П. Окусов: Допускаю, поэтому с интересом вас послушал. Я хочу сказать по поводу того, почему обрушились на Петрова. Я занимался проблемой: почему разоблачение сталинизма и культа личности, если оно делалось коммунистами, вызывало значительно большие гонения, чем на обычных людей? Почему одновременно публиковали сочинения Солженицына многотысячными тиражами? Тогда как произведения коммунистов, которые разоблачали, не только не публиковали, а обрушивали на них всевозможные гонения и обвинения. Приведу ещё один пример. Был такой писатель Лев Овалов, автор бессмертной эпопеи о майоре Пронине. Его посадили в лагерь, он там отсидел... Но эта целая эпопея, я сегодня не буду её рассказывать. Он был очень талантлив; по природе своей талантлив, хотя майор Пронин — это произведение определенного характера и типа. Выйдя из лагерей, Овалов написал произведение, в котором главный персонаж, коммунист, остается коммунистом и в лагерях, и выйдя из лагерей...

Да, он написал на эту тему произведение обобщающего плана... И в ЦК тоже послал, как Петров. И так же сильно получил по голове, был наказан. Это было произведение о коммунисте, который прошел через ужасы ГУЛАГа. И сохранил веру в партию — это было преступление. Написать «Ивана Денисовича» показалось преступлением меньшего уровня. Понимаете? И здесь то же самое. Что сделал Петров? Он написал с позиции коммуниста, разоблачал это наследие коммунизма, и это было очень опасно. Это не просто возбуждало дискуссии в стране, это наносило удар по самим устоям сталинизма, по ценностям, по лидерам сталинизма. Я думаю, если бы публикация состоялась, это было бы как маленькая атомная бомба. И с этой точки зрения, я понимаю власть предрержащих и их позицию. Для них это было абсолютно недопустимо.

Ю.Р. Тищенко: Почему же пять лет после этого терпели в качестве преподавателя?

А.П. Окусов: Это другой разговор, я об этом сейчас не говорю. Я сейчас насчет «Майора Пронина». Это произведение было самой главной опасностью для той партии. Ещё было одно произведение, оно приблизительно того же уровня — «Жизнь и судьба» В. Гроссмана. Я удивляюсь, что его не расстреляли за эту повесть. Там он напрямую сравнивает коммунизм с фашизмом. Представляете? То есть всё это логично в той системе власти. Я был абсолютно удивлен, как с ними поступили. А вот то, что вы сказали: можно удивиться, почему это все терпели, на работе держали... Тут уже много вопросов. Кто ему покровительствовал? Кто его держал? Но это уже отдельный разговор. Ну, и хотелось бы ещё закончить по поводу Петрова. Я считаю, что Петров, и второй был у нас диссидент, Егидес, помните?

Ю.Р. Тищенко: Ну, они не сопоставимы!

А.П. Окусов: Да, я понимаю, что Петров тоньше, глубже, и основательнее, грубо говоря, умнее, но уважаю и Егидеса.

Ю.Р. Тищенко: Не умнее! Егидес вообще по сравнению с Петровым не существует! Я их лично знал, работы того и другого читал. Это со стороны так кажется. Ему даже дали Орден французского легиона...

А.П. Окусов: Я иначе считаю, но не буду спорить с уважаемым Юрием Романовичем. Восприятия событий опытным доцентом, понимающим суть сформировавшихся острых проблем, и студентом-вечерником, который все воспринимал на сугубо эмоциональном уровне, должны отличаться.

Для меня Петр Маркович Егидес был простым, доступным, понятным преподавателем, грубовато, но увлекательно комментирующим самые скучные проблемы. Я до сих пор вижу объемную картину общественно-экономической формации с ее базисом-надстройкой, формами сознания, отношениями и т. д., старательно нарисованную на доске.

Он также добросовестно и понятно объяснял и суть проблем реального социализма, начиная с трудностей городского транспорта и кончая комментариями мер по укреплению философского потенциала РГУ М.М. Карповым, В.Е. Давидовичем и Е.Я. Режабеком.

Конечно, Петров был во всех отношениях сложнее, но вместе с тем, скучнее и непонятнее. Он мог, например, подобно Егидесу, за 2 часа изрисовать всю доску замысловатой системой грамматики английского языка. Но осмыслить и удержать это в памяти было невозможно. Или, например, он мог объяснить почему, имея свое оригинальное мнение, лучше сопоставлять противоположные позиции других авторов. Не всем тогда было понятно, почему передовую статью «Правды» нельзя считать научным аргументом и т. д.

Да, эти два человека, как бы их ни оценивали, — это гордость, украшение нашего Ростовского университета, наравне с Юрием Андреевичем Ждановым. Это три человека, которые являются звездами университета. Ну, и последнее. Я очень благодарен за то, что вы, Виктор Павлович, написали эту книгу. Вы лично сделали то, о чем я давно мечтал. Вы это сделали, вы опубликовали, вы комментарии написали, вы обозначили свои позиции. Я просто восхищен этим вашим деянием. Вы сделали то, что давно напрашивалось, но почему-то как-то раньше никто этого не делал. Прошло сколько лет, да, почти пятьдесят лет, когда всё это получило, наконец, положительную оценку. Я считаю обсуждение и анализ повести Петрова незаконченным, его нужно продолжать, я не со всеми позициями согласен. Было бы странно, если бы мы соглашались друг с другом, — зачем тогда собираться и беседовать. Продолжим эту полемику в другой раз, спасибо!

А.В. Лубский: Коллеги, я хочу обратить ваше внимание на то, что это повесть, а не научный трактат. Она интересует нас как факт политической жизни, но больше всего свидетельствует о формировании в то время новых моральных концептов. Повесть демонстрирует, что уже появились философы, которые пытались в обществе формировать новые моральные концепты. Мне кажется, этот момент самый главный в повести. Я вчера до утра сидел, читал повесть. Она проникнута этим пафосом — необходимостью в первую очередь сменить мораль в обществе и приписать ей политическое звучание.

Ю.Р. Тищенко. До сегодняшнего дня я перечитывал повесть Петрова четыре раза, и постоянно находил там новое для себя. В последний раз я пришел к выводу, что все характеристики философской элиты того времени там описаны. Вот люди, которые делали нашу историю вплоть до сегодняшнего дня. Поэтому через 20 лет еще почитайте...

А.В. Лубский: Это понятно, каждый читает в рамках своей биографии. Я с Петровым один раз выпил и все.

С.А. Кислицин: Хотелось бы поблагодарить организаторов, на такой дискуссии я давно не был, она интересная, побуждает мыслить. Ильенков был прав: школа должна учить мыслить. Научная дискуссия тоже должна этому учить. Я не философ, но интересно слушать философов. Мамардашвили на вопрос «можно ли научиться философии?» отвечал: «Нет». А я

думаю, что да: ходить к философу, слушать его, и так будет проходить обучение. Мне бы хотелось обратить внимание на пару идей, которые рельефно прозвучали в процессе обсуждения: решенные вопросы подлежат пересмотру, переоценке и критическому анализу; научный скепсис должен стать основой методологии, это надо подумать.

Л.Г. Берлявский. (Обращается к С.А. Кислицину). Сергей Алексеевич! Относительно поиска методологии. Лет 10 назад на историческом совете вы сказали о том, что искали работы по методологии, и выписали одну работу, автора не буду называть, но он доктор философских наук. Вы тогда сказали, что внимательно прочитали и пришли к выводу: это ахинея, там нет никакой методологии. Действительно, есть масса интерпретаций, и мы не видим решений, особенно когда речь идет о методологии. А то, что мы слышим сегодня заставляет мыслить. Особенно то, как сегодня уважаемый Виктор Павлович представил Петрова как мыслителя. Вторая вещь, о которой я давно думаю: образ или тип философа-разведчика, которого вывел Петров и прекрасно интерпретировал Виктор Павлович. процитирую фильм «Монолог», там академик Сретенский говорит о двух типах ученых. Первый тип — это те, которые пробивают дорогу к новому знанию, вторые — те, которые подчищают за первыми. Академик Сретенский говорит: «Я и подчищал». Но нам интересен именно первый тип, кто продуцирует новое знание. Эта идея продуктивна не только с точки зрения методологии, но и с точки зрения методики, потому что сравнение ученого с разведчиком практически стопроцентное. У меня была статья об очень похожем человеке — Иосифе Григулевиче.

В.П. Макаренко: Он был натуральный сталинский шпион.

Л.Г. Берлявский: В эпоху моей юности я его видел дважды и познакомился потом с его архивом. Написал статью «Иосиф Григулевич: имена в истории советской науки и внешней разведки». Это стопроцентное попадание. Потому что поиск новой информации проходит этапы и он очень сходный с работой ученого именно того типа, который вычленяет новизну. Все этапы идентичны с работой ученого: с поиском информации, поиском источников, с вычленением новизны, анализом, который абсолютно такой же. Но есть разница: один из его коллег, у которого я имел честь учиться, говорил, что тут как в преферансе — карта валит пять минут. Если за пять минут это сделаешь — хорошо. А ученый может всю жизнь осмысливать.

В.П. Макаренко: Не надо путать божий дар с яичницей. У Петрова речь идет о критически мыслящих философах-революционерах. А Григулевич, по характеристике М. Гефтера, «в науке был субъект еще тот. Глядя на него, доброго не скажешь — скользкий тип и пройдоха»¹. Может быть, скользкость и есть характеристика первого поколения сталинских шпионов или вообще всех сотрудников КГБ? Кроме того, у Петрова есть понятие таймированных проблем, которые должны решаться в определенный период; если они за это время не решены, — пиши пропало. Ничего такого у отставных шпионов, которые пишут (или им пишут) мемуары, я не встречал.

Л.Г. Берлявский: Абсолютно верно. Еще на один фильм сошлюсь, который всем прекрасно известен — «Семнадцать мгновений весны». Когда сталкиваются философ и политик, дуэль Штирлица с Мюллером. Броневой, говорил, что когда снимали эти сцены, там все время присутствовал человек «известно, откуда» и что-то подсказывал. Особенно когда они спускаются в подвал Мюллера и этот человек говорит ему, что здесь не годится, надо чтобы вы кого-то пытали. «Вы ничего не поняли, — отвечает ему Броневой, — этот фильм не об этом. Это фильм о столкновении идеологий». Вот тот самый философ разведчик. На многое наталкивают наши сегодняшние размышления, не только на методологию и методику.

И последнее, что мне хотелось сказать: Петров, безусловно, крупнейший мыслитель. Его место должно быть почетным, без всякого сомнения. Кто-то посчитал, что у нас в Ростове сорок докторов философских наук. Но пародист Иванов говорил: «Поэтов масса, но насто-

¹ См.: Павловский Г. 1993: элементы советского опыта. Разговоры с Михаилом Гефтером. — М.: изд. «Европа», 2014, с.53

ящих поэтов можно пересчитать на пальцах одной руки». Петров — это колоссальная школа мысли.

В.П. Макаренко: Хорошо, что не сорок сороков, как церковью было в Москве, по традиции. Уже и так эти сорок ронинов дерутся за паству...

А.В. Лубский: Доктор философских наук и философ — это абсолютно разные вещи.

В.П. Макаренко: Однозначно.

(Шум, реплики, смех).

В.А. Шкуратов: К стыду своему даже не имею право здесь говорить, потому что я повести не читал. Но я ее обязательно прочитаю. Но вот что меня от Петрова все время отталкивало — то, что он и философ-разведчик, и философ разведки. По Фуко, наука исходит от инквизиции, — слово совершенно однокоренное. И Петров работает внутри этой системы. Он очень любознательный человек, но внутри системы. Я вспомнил такой случай. На первом съезде Союза советских писателей обсуждали незаконно выпущенные произведения Лосева, которые он в 1931–32 годах сам публиковал, когда уже нельзя было ничего публиковать. Сначала Бухарин выступил и сказал: «Ну, не будем его осуждать, это же все-таки такие оттенки». А потом выступил Киршон (кстати, тоже бывший ростовчанин) и сказал: «За такие оттенки надо ставить к стенке». Вот исторический парадокс, ирония истории: через три или четыре года самого Киршона поставили к стенке, а Лосев прожил до 90 лет. Понимаете? Потому что Киршон был внутри системы, он же был писатель-партиец, секретарь партийной организации. Эта структура очень тщательно следила, чтобы ее изнутри не разлагали. Почему Солженицына опубликовали? Потому что он — писатель; не партийной совестью выступал, а просто выступал от имени русской литературы. А здесь было построено все по партийной линии.

А.В. Лубский: Это в назидание...

В.А. Шкуратов: В назидание... Хотелось, чтобы мы работали не в системе, а в большом свободном пространстве. И где мы в значительной степени будем независимыми мыслителями, а не членами тех или иных организаций. Ведь разведчики в самом общем виде — это специалисты...

Голос из зала: ...узкие...

(Смех, шум, публика устала)

Ю.Р. Тищенко: Слово разведчик здесь прозвучало более десяти раз. В связи с этим я хочу напомнить: Петров был обычный армейский разведчик. Он не тот разведчик, о котором мы привыкли говорить в широком смысле слова. Сталин был прозорлив, он молодых разведчиков посылал в военный институт иностранных языков.

А.В. Лубский: Виктор Павлович в связи с этим в книжке показывает различие между шпионом и разведчиком.

В.А. Шкуратов: Но Петров просто был очень смелый человек.

Л.Г. Берлявский: Можно маленькую ремарку? Судя по всему, в то время, когда Петров попал в институт иностранных языков — это был пик развития этого заведения. Его возглавлял генерал-лейтенант Н.Н. Биязи — это бывший военный атташе в Италии. Он был глубокий интеллектual, знал десять языков. Как сказали мне выпускники, после Биязи уже руководители института ни одним языком не владели. Так что это был пиковый легендарный выпуск военной поры и неслучайно многие мыслители вышли оттуда. Об этом я прочел у Р.К. Миньяр-Белоручева, заведующего военной кафедрой в МГИМО.

А.В. Лубский: Коллеги, если нет желающих больше выступить, то давайте поблагодарим Виктора Павловича за то, что он написал эти две работы. И доставил этими работами нам возможность поучаствовать, как Герасимов говорит, «в интеллектуальном пиршестве».

В.П. Макаренко: Интересней, конечно то, что еще не написано. Интересен материал, над которым работаешь. Как сказал бы постмодернист, надо исходить из текста повести. Однако чтение и изучение — это процедуры не всегда совпадающие. Если бы я сейчас заново

прочел повесть Петрова, то, естественно, увидел бы уже немножко иначе. Хотел бы предложить вам элементы самокритики в отношении той версии, которую я дал в этой книжке и статьях. Обращу ваше внимание на два пункта.

Частично идею первого пункта подал Владимир Александрович Шкуратов. Он провел различие между разведкой и инквизиционной деятельностью со ссылкой на Фуко. Здесь есть интересный ход, в том числе для критики М. Фуко. Есть материалы дневникового характера, которые позволяют не согласиться с тем различием, которое делал Фуко. Я сейчас говорю о том, чего еще не писал, но штудировать — штудировал. Есть очень интересный человек и интеллектуал А.С. Черняев — советник, профессиональный историк, истфак заканчивал Московского университета. Он постоянно вел дневник во время работы в ЦК КПСС.

Ю.Р. Тищенко: Помощник Горбачева?

В.П. Макаренко: Да, но это уже на склоне лет он был помощником. Он долго работал в международном отделе ЦК КПСС и вел дневник. Этот дневник больше 1000 страниц. И он описывает деятельность этого отдела и между тем сообщает интересную идею, которая может быть развита и она имеет отношение к тем вещам, о которых мы говорим. Он анализирует склад ума людей, вовлеченных в пропаганду идей. Например, он так пишет о Б.Н. Пономареве: «Полицейско-пропагандистский склад ума уничтожает само содержание ума». Иначе говоря, человек, руководящий идеологической структурой, оказывается если не глупцом, то предлагаю подумать — кем? Если под этим углом зрения прочесть дневник А.И. Черняева, то оттуда можно извлечь вывод: внутри идеологической структуры различие Фуко не работает. Потому что человек, казалось бы, находящийся в инквизиционной структуре, фиксирует ее вымышленный, снимающий содержание ума смысл. Связь полиции с пропагандой — это как раз то, против чего и Петров в своей повести выступал. Отмечу, что они почти ровесники с Черняевым. Это люди одного поколения. Интересен сам духовно-практический феномен: связь полиции с пропагандой может быть предметом социологического анализа. Сегодня этот стереотип мысли широко воспроизводится. Надо его выписать детальным образом. Обратите также внимание на отличие естественной разведывательной деятельности от полицейско-пропагандистского склада ума.

Второй пункт связан с концовкой повести Петрова. Описывается пивная на Арбате. Появляется фигура плотника — работяги, который делал революции, а сейчас пашет как лошадь и проповедует лошадиную философию. С ним спорит молодой человек, который собирается поступать на философский факультет. Я думаю, что в образе плотника и философа воспроизведен библейский сюжет Иосифа и его сына Иисуса Христа. И фигура будущего студента философского факультета отменяет как раз официальный взгляд на всю советскую историю. Здесь есть о чем подумать.

А.В. Лубский: По поводу понятия «полицейское государство». Оно появилось на рубеже XVII–XVIII веков и носило позитивный смысл.

В.П. Макаренко: Короче говоря, моя задача скромная, но важная: реконструировать все идеи Петрова и одновременно показать их созвучие сегодняшним проблемам. Таков предмет размышлений. Спасибо за участие в них.